

Таня Валько

Арабская сага

Мы являемся свидетелями третьей мировой войны, разделенной на фрагменты.

Из проповеди Папы Римского Франциска на площади Революции в Гаване, Куба, сентябрь 2015

От автора

Дорогие читатели!

Перед вами продолжение «Арабской саги». Нужно сказать, что книга эта совершенно иная, чем «Арабская жена» и др. Мир изменился, а вместе с ним и герои моих романов. Я с ними свыклась, поэтому они, конечно же, продолжают жить на страницах моих книг. Здесь вы снова встретитесь с Хамидом бен Ладеном, борцом с «Аль-Каидой», — теперь он противостоит джихадистам из «Исламского государства». Доктор Карим, наполовину азиат, наполовину араб, снова будет спасать здоровье и жизнь тех, кто в этом нуждается, на этот раз в рамках миссии «Врачи без границ». Женщины же из рода Салими — Дорота, Марыся и

Дарья — попытаются найти себя в современном грозном мире.

«Арабская сага» — это роман, полный событий, леденящих кровь, и любовных перипетий; в нем рассказывается о богатстве и бедности, о накале страстей — любви и ненависти, о том, как легко оказаться не в том месте не в то время и как тяжело из такой ситуации выбраться. Миром в моем романе завладели исламские фундаменталисты, его охватил страх и паранойя. Я пишу о вещах, проблемах и странах, вовсе не чуждых европейцу. Ведь существующее положение дел уже непосредственно касается всех нас, нашего жизненного уклада, нам все чаще угрожает опасность. Но осознаем ли мы, что происходит в самом эпицентре зла? Как живут обычные люди в арабских странах, находящихся в состоянии войны, как напуганы, как опасаются за свою жизнь и жизнь своих близких, как их уничтожают собственные братья, родители? Что чувствуют обычные жители Дамаска? Думают ли они об эмиграции? О бегстве в чужие страны и о жизни на чужбине? Так ли это просто — покинуть родной дом?

Европа открыла границы для миллионов беженцев с Ближнего Востока с верой в то, что ее потенциал возрастет за счет несчастных, но добропорядочных иностранцев, которые преумножат благосостояние и омолодят ее. Но

вскоре сочувствие и эйфория европейцев сменились страхом и ужасом. Нетрудно понять чувства людей, которые готовы были принять прибывших с открытым сердцем, но вместо благодарности столкнулись с агрессией, непониманием и отчуждением. И это не единичные случаи, когда в массу мусульманских беженцев затесался грозный террорист — человек, который нас ненавидит и целью жизни которого является убийство неверных. Каждый из нас охотно приютил бы пострадавшего от войны, ведь и нас во времена многочисленных смут, которые случались в Польше, привечали и давали приют, протягивали руку помощи незнакомые люди. Однако нас охватили паника и отвращение, потому что стали известны случаи, очерняющие всех прибывших. Никто не расценивает их как правило, но мы все же не можем не обобщать, тем самым отторгая большинство добрых, приветливых и дружественных людей.

Стараясь осветить эту проблему, я показываю в «Арабской саге» как обычных мусульман, которых травят и убивают в собственной стране, так и хитрых лисов, которые стремятся в Европу только затем, чтобы ее уничтожить. Найдет ли кто-нибудь способ это предотвратить? Не обидеть обездоленных, но вместе с тем не пустить на порог убийц? Я постаралась рассмотреть проблему объективно: со стороны борющихся с терроризмом,

халифатом и «Исламским государством» арабов, с позиций сирийцев, уничтожаемых своими земляками в собственной стране, и с точки зрения коварных джихадистов, охваченных необъяснимой ненавистью к иноверцам и жаждущих убийств во всем мире.

В романе «Арабская сага» я, как всегда, в форме литературного вымысла показываю трагическую правду. Я рассказываю о террористических актах сторонников «Исламского государства», совершаемых в разных уголках земного шара. Мое воображение рисует покушения, произошедшие в Париже или Бейруте, атаку в Тадж-Махале и перенесенное на египетскую почву убийство туристов в Тунисе. Увидев фотографии и прочитав сообщения о химической атаке с человеческими жертвами в Дамаске и его окрестностях, я не могла не рассказать о массовых преступлениях против человечества и смертельных приговорах, совершенных над неверными в сирийской Пальмире. В древнем театре было убито триста человек! Кто захотел бы остаться в такой стране? Кто смог бы там жить?

Как всегда, я старалась раскрыть характеры и показать глубину человеческих чувств, продумывая повороты сюжета, ставя героев в экстремальные, безвыходные ситуации без шанса на спасение. Я все время стараюсь понять и оправдать каждого и то же

самое делаю в книге, размышляя над вопросом: что влияет на человека (ведь каждый рождается добрым), почему он становится преступником и палачом? Почему в нем нет ничего человеческого, когда и под влиянием чего или кого он это утратил?

На эти и другие вопросы, связанные с нынешней ситуацией в мире, читатель найдет по крайней мере частичный ответ на страницах моего романа. Надеюсь, что вы с интересом его прочтете, хотя чтение не будет легким.

I. Тяжелые воспоминания

Аллах, поистине, к Своим
творениям строго справедлив —

Они к самим себе несправедливы¹.

Пролог

Перед отъездом из Индонезии вся семья собралась в апартаментах Карима аль-Наджи в

¹ Коран, сура X, стих 44. (Коран приведен в переводе В. Пороховой, если не указано иное.) (Примеч. пер.)

Джакарте. Они вместе хотят поговорить о будущем, хотя решение уже принято. Всегда лучше поделиться мыслями и обсудить все с близкими. Тут все Новицкие: пара, пережившая события, связанные с кризисом среднего возраста, в лице Дороты, которую точит неизвестная болезнь, и Лукаша, подавленного после неудачного романа с молодой индонезийкой Адиндой; их возмужавший сын Адашь и двое дочерей Дороты — младшая Дарья, быстро повзрослевшая после трагических событий, и Марыся Салими, бывшая госпожа бен Ладен, теперь аль-Наджи. Ее бесстрастное лицо напоминает маску, она покорна судьбе, но сердце трепещет в ее груди, как раненая птичка в клетке.

— Я пригласил еще одного человека, который неразрывно связан с нашей семьей, — говорит Карим. — Хамида бен Ладена.

При этих словах Дарья распахивает большие голубые глаза и хватается за голову, Марыся же из-под насупленных бровей бросает на мужа быстрый встревоженный взгляд.

— Ты что, ошалел? — восклицает теща. — Зачем беречь старые раны? Это уже в прошлом!

— Не совсем, — спокойно говорит индонезиец. — У Хамида и Марыси есть сын, которого моя жена любит больше жизни. Что, в конце концов, естественно.

— Ну и что, что любит! — не сдаётся Дорота, считающая затею зятя исключительно глупой. — Она отдала своего ребенка его отцу, не знаю, почему и как она это сделала, но так уж случилось. Ничего не сделаешь.

— Она совершила необдуманый шаг, но это не значит, что она должна мучиться до конца жизни. Теперь у мальчика нет матери, даже неродной, потому что красавица Зайнаб погибла во время теракта на Бали, в то время как мы сами чудом остались живы. Поэтому мы также едем в Саудовскую Аравию, чтобы Марыся могла наладить контакт с ребенком, — говорит мужчина решительно.

— Охренеть! — восклицает Дарья. — Хотя, в общем, я вспоминаю жизнь в Эр-Рияде как время счастливой молодости. Там было не так уж плохо... — говорит она в задумчивости.

— Хорошо было, — поддерживает Адасть сестру по матери. — И в школе, и в поселке, где мы жили. И приятели у меня были супер, не то что здесь.

— Дорота, может, подумаете и присоединитесь к нам?..

Сигнал домофона прерывает Карима. Через минуту слышен звонок в дверь, и хозяин проводит в зал красивого высокого араба, у которого после

последних трагических событий на, казалось бы, райском острове поседели виски.

— Здравствуйте.

Мужчина шокирован, увидев всю свою бывшую родню в сборе.

— Ты не говорил, что здесь будут все.

— Если бы я сказал, ты бы наверняка не пришел. А я считаю, что необходим обоюдный откровенный разговор.

— Что ж, ты прав, — признает Хамид.

— Хватит лжи! — Несмотря на спокойное и всегда добродушное выражение лица, индонезиец в эту минуту необычайно серьезен.

Марыся тем временем обводит собравшихся невидящим взглядом. Она приходит к выводу, что бедный Карим не имеет понятия, что говорит и на что отважился. «Если бы ты знал, что я тебе с ним изменила и по-прежнему люблю этого человека, любовь всей моей жизни, то не произносил бы этих слов, — мысленно спорит она с мужем, — не хотел бы такой искренности!»

Она тяжело вздыхает и изо всех сил старается взять себя в руки, чтобы не расплакаться.

«Очередной добрый парень, которого я загнала в угол. Очередной, кого нехотя обижаю».

— Поэтому садись, друг, и послушай, что мы решили.

Индонезиец вежливо улыбается, указывая старому приятелю на кресло.

— Может, отправим Адиля к нашей няне, которая занимается Надей?

Он берет из его рук улыбающегося, довольного малыша и выносит в другую комнату. Все ждут молча.

— Мы с Марысей уезжаем, возвращаемся жить в Саудовскую Аравию, — сообщает Карим, вернувшись и глядя Хамиду прямо в глаза. Тот только поджимает губы.

— Почему? — спрашивает Хамид. — Не понимаю.

— Вот именно, почему?! — вмешивается Дорота, которая противится безрассудным планам, потому что материнским сердцем чувствует, что Марыся устроит этим порядочным мужчинам ад на земле. Уж точно долго не будет длиться связь с нелюбимым Каримом, который — о чудо! — ни о чем не подозревает.

— Потому что я чувствую себя больше саудовцем, чем индонезийцем. С трех лет и до недавнего времени я жил в королевстве Саудовская Аравия, мой отец — саудовец. Может, я так не выгляжу, но я больше араб, чем азиат, — заканчивает он, грустно улыбаясь. Его темно-карие глаза в форме полумесяца смотрят на всех с такой искренностью и серьезностью, что слушающие уже

не возражают, а только с пониманием кивают головами. — Марыся тоже наполовину арабка. Ей хорошо, когда она слышит призывы муэдзинов к молитве среди пустынной пыли в воздухе. Азия нам решительно не подходит.

— Мне тоже, — присоединяется Дорота.

— И мне, — поддерживает Дарья. — Я люблю арабские страны. Я провела там большую часть жизни.

— А что бы вы сказали, мои дорогие тесть и теща...

Карим колеблется минуту, думая, хороший ли это план, но все же решительно заканчивает мысль:

— ...чтобы вместе с нами вернуться к древним саудовским пескам?

— Я думаю... Может, это и неплохая идея? Мне там хорошо работалось, среди компетентных людей, которые меня ценили, — осторожно улыбается Лукаш. — Не говоря уже о сумасшедшей зарплате.

Он даже раздумянулся, вспоминая достаток и стабильность, которых его семья достигла на Ближнем Востоке.

— Ты забыл, мой дорогой, что какая-то неизвестная болезнь точит меня изнутри? — Дорота бледнеет и вся дрожит, так как чувствует, что дела плохи.

— Вот именно, я помню об этом.

— В Эр-Рияде у нас есть больницы высочайшего мирового уровня, — присоединяется молчавший до сих пор Хамид. — В одной из них долгие годы работал Карим, и он наверняка туда вернется.

— Разумеется! В больнице медико-санитарной службы Национальной гвардии делают фантастические вещи. Ведь именно там разделили польских сиамских близнецов — Ольгу и Дарью. Провели операцию, длившуюся восемнадцать часов, в которой участвовал медколлектив из шестидесяти человек, из них двадцать семь хирургов. За пластику отвечал я, оперировал с тремя коллегами.

— Ты никогда этим не хвастался, — не скрывает потрясения Дорота. — Я знала, что ты занимаешься пластикой, но думала, что, скорее всего, увеличиваешь груди, — шутит она, а все до сих пор напряженно молчавшие громко смеются.

— Нечем кичиться. Разные вещи в жизни я делал и исправлял.

— В этом весь Карим — сама скромность, — подводит итог Хамид. — Если вам интересно мое мнение, то мысль о пребывании в Саудовской Аравии, особенно принимая во внимание состояние твоего здоровья, Дорота, прекрасна.

— Да-да, возвращаемся домой! — восклицает Адаь, подскакивая.

— Может, и мне с вами, хотя я уже взрослая и должна идти своей дорогой... — просительно смотрит на мать Дарья.

— О чем ты говоришь? Оставайся с нами!

— Оставайся с нами! Оставайся с нами! — собравшиеся скандируют почти как на уличной демонстрации.

— Лети с нами: пока родители подпишут контракт и уладят все формальности, может пройти время и ты потеряешь год учебы. — Марыся постепенно обретает уверенность, видя, что все может сложиться не так трагически, если снова все будут вместе, вся семья, понимающая и поддерживающая в горе и радости.

— Правда? — удивляется Дарья и бросает взгляд на Карима, будто спрашивая его мнение, а тот только поддакивает.

— Вместе начнем учебу — что ты на это скажешь? Как думаешь, Марыся?

— В университете имени принцессы Нуры. — Марыся мечтательно произносит название самого большого в мире университета для женщин. — Может, мне наконец-то удастся его закончить?

— Конечно! Теперь у тебя будет бесплатный домашний репетитор, — не задумываясь добавляет Карим, раня этим сердце Хамида.

— Прекрасно...

Саудовец медленно поднимается с кресла, размышляя, чего же Карим добивался, приглашая его на этот семейный совет. Ведь он уже не имеет с ними ничего общего. «Неужели он хотел меня уколоть? — думает он про себя. — Хочет показать, что Марыся принадлежит ему и только ему, что навсегда потеряна для меня? Так ведь я прекрасно об этом знаю! Я отдаю себе в этом отчет!» — кричит он мысленно, крепко сжимая зубы, чтобы не дать выхода эмоциям.

— Должен с вами проститься, — говорит он холодно. — До встречи в Эр-Рияде. Если у вас будут какие-нибудь проблемы, с удовольствием помогу, — предлагает он под конец.

— Послушай, присядь еще на минутку, потому что все хорошо складывается, но мы не дошли до существа дела, касающегося тебя. — Индонезиец, не чувствующий неловкости ситуации, в которую поставил приятеля, снова приторно улыбается.

«Сейчас я ему эту улыбочку прибью к губе! — просыпается в Хамиде арабская кровь. — Больше всего мне хочется лоб ему разбить! Азиатский скользкий тип!» С большим трудом он берет себя в руки, кусая до крови губы, и покорно падает в кресло.

— Мы решились осесть в Саудовской Аравии главным образом по одной очень важной

причине... — говорит Карим медленно; Хамид внимательно на него смотрит. — У вас с Марысей общий ребенок, которого она в порыве великодушия или не знаю почему еще добровольно отдала тебе. Но сейчас оказывается, что она не может жить без своего сына.

— Я его не отдам! — взрывается мужчина.

— Знаю и не требую от тебя этого, — подключается Марыся. — Я хотела бы только иногда иметь возможность его видеть, играть с ним, ухаживать за ним в болезни... Если бы была жива твоя жена Зайнаб, я не вмешивалась бы, не совалась бы в вашу жизнь, но сейчас малыш остался без матери, без женской любви и тепла. Ребенку это чрезвычайно необходимо!

— Я прекрасно отдаю себе в этом отчет. Адиль плачет по ночам, а я из кожи вон лезу, но не в состоянии его утешить, как, впрочем, и профессиональная няня. Ради счастья ребенка...

Хамид не имеет понятия, как это будет выглядеть, но сейчас не хочет вдаваться в подробности. Одно для него имеет значение, и в одном он уверен: Марыся, его любимая, будет где-то рядом, он сможет ее видеть, слышать ее голос, чувствовать запах ее тела, лаванды, которой она пользуется много лет. Как он это переживет? Как выдержит? Удастся ли ему вести себя

достойно? Он не знает, но сейчас может сделать только одно.

— Ради счастья ребенка я соглашаюсь на то, чтобы ты контактировала с ним, посещала так часто, как только захочешь.

— Так летим вместе?! — Легкомысленная Дарья прерывает неловкую тишину, которая повисла после слов Хамида. — Я, Марыся, ее двое мужей... — смеется она, а все исподлобья смотрят на нее. — Ну, и двое ее детей, — добавляет она уже тише, немного испуганно: если она и дальше будет так себя вести, то Саудовской Аравии ей не видать.

— Так было бы лучше всего, — заканчивает организатор встречи. — Дети легче перенесут долгую дорогу, да и нам в компании будет веселее. А сейчас приглашаю всех на обед.

Карим поворачивается и идет в столовую. Остальные, остолбенев, по-прежнему смотрят друг на друга. Марыся бросает мимолетный взгляд на бывшего мужа, испепеляя его взглядом, и в ответ видит огонь страсти, пылающий в его глазах.

Утраченная любовь

Большая семья приезжает на аэродром в Джакарте на трех машинах и с типичной для путешествующих нервозностью вытаскивает из багажников кучу чемоданов. В одной машине ехали

Новицкие с Адасем и Дарьей, во второй — Марыся с Каримом и Надей, в третьей — Хамид с Адилем. У всех билеты в бизнес-класс — значит, они не должны волноваться о размере багажа или комфорте. Самолеты эмиратских авиалиний удобны даже в экономклассе, не говоря уже о первом. Они вместе летят в Дубай, но там их дороги расходятся. Как и договорились, Дорота с Лукашем и Адасем направляются в Польшу, все остальные в Эр-Рияд — столицу Саудовской Аравии.

На борту самолета, после того как подали шампанское и легкие закуски, взволнованные путешественники начинают суетиться. Женщины усаживаются вместе, Карим с Лукашем и Адасем занимают места рядом. Хамид же, который по-прежнему не может смириться с ситуацией, отделяется от остальных. Шесть часов полета, во время которых никто не сомкнул глаз, пролетели как одно мгновение. Наконец самолет выпускает шасси для приземления в столице Арабских Эмиратов.

— Вы должны спешить, мамочка! — У Марыси *reisefieber*², она мчится с сумасшедшим блеском в глазах. — У вас только полтора часа. Для этого аэропорта это очень мало. Это самый

² Дорожная горячка (нем.).

большой аэропорт на Ближнем Востоке, а может, и в мире, потому что он больше Хитроу. Быстренько!

— Так, может, вы отправитесь своей дорогой, а встретимся уже на борту? — отделяется Хамид от этой группы сумасшедших, так как не знает, во имя чего должен мчаться с ними сломя голову.

— Пять часов ожидания перед следующим рейсом проведем в зале лаунж³ Мархаба. Он очень хороший и удобный, — говорит ему Карим. — Может, там удастся еще перемолвиться?

— Да, наверняка.

Саудовец уходит, наклонив голову. Его сердце обливается кровью, а в уме всплывают воспоминания из того времени, когда он был мужем Марыси и участвовал во всех перипетиях этой сумасшедшей польско-арабской семейки. «Это невозможно выдержать, — вздыхает он. — А будет еще хуже».

Чтобы сесть на рейс в Европу, необходимо перейти в другой терминал. Как и говорила Марыся, это занимает много времени. Сначала они едут на лифте, сквозь стеклянные стены которого наблюдают текущие по стенам здания с высоты трех этажей каскады воды, потом их ждет поезд с

³ Фойе, зал ожидания, холл, часть аэропорта (англ.).

автоматическим управлением, а затем — серия эскалаторов.

По дороге они проходят еще проверку документов и досмотр служб безопасности. Когда они добираются до своих ворот, все уже достаточно измучились и вспотели, а Дорота просто валится с ног.

Раны, которые она получила в теракте на Бали, еще не затянулись, а неизвестная болезнь ее очень ослабила. Гордая женщина не согласилась на аренду инвалидной коляски, на которой могла бы преодолеть долгий путь. «Мне же всего сорок пять лет! — кричала она, трясая своей светлой шевелюрой. — Не будут меня возить, как какого-то паралитика или старого дедушку. Об этом не может быть и речи!»

Из-за своего упрямства она теперь едва держится на ногах, а ее лоб покрыл холодный пот.

— Как только приземлитесь в Варшаве, дайте знать, — просит измученная Марыся. — Тут уже рукой подать, ведь больше половины пути позади.

— И сразу идите к врачу, — напоминает также обеспокоенная Дарья, которая испытывает угрызения совести из-за того, что не летит с ними и не помогает матери в трудную минуту.

— А ты сразу же принимайся искать работу в Саудовской Аравии! — резко приказывает она отчиму, так как хотела бы, чтобы они были с ней.

— Ни о чем не беспокойся, вскоре мы должны вернуться к родным саудовским пенатам, — утешает ее Лукаш, и при этом у всех светлеют лица.

— Держитесь! Берегите себя! Мы вас любим! — раздаются в зале последние возгласы, когда поляки направляются на посадку.

— Пойду покурю, — сообщает Марыся, которая сидя (да и вообще сейчас) не в состоянии вздремнуть, несмотря на то что диваны и кресла мягкие и удобные, а подножки позволяют вытянуть ноги.

— Останешься с Надей? — спрашивает она у Карима, который и так не может двинуться, придавленный тельцем спящей девочки, но видно, что это не доставляет ему хлопот, даже наоборот — приносит огромное счастье.

— Иди, иди, — шепчет он, маша на Марысю рукой. — Только не кури слишком много, — напоминает он как хороший муж и доктор.

— Все в порядке. — Марыся улыбается про себя в ответ на такую заботливость. «Может, все как-то у нас наладится?» — думает она.

Но когда через минуту ее взгляд падает на спящего Хамида, который сжимает в объятиях их сыночка Адиля, сердце ее трепещет и она уже знает, что это невозможно. «То, что задумал Карим, неестественно! — Женщина тут же впадает в ярость. — Это невыносимо! Как же я буду видеться

с сыном?! В моем бывшем доме и в присутствии Хамида, которого по-прежнему люблю?! Как же мне поддерживать отношения с бывшим мужем, когда стоило ему лишь кивнуть — и я полетела бы с ним? Бросила бы все, всю мою прошлую жизнь, пренебрегла бы Каримом, его любовью ко мне, всем миром, чтобы быть с первым и единственным мужчиной, к которому я испытываю всепоглощающее чувство. И между тем походя все профукала! Вот так я!» Она вздыхает, ей тяжело: она не в состоянии справиться с ситуацией.

— Эй!

Когда Марыся входит в курилку, Дарья приветствует ее глуповатой улыбкой после чрезмерного количества выпитого алкоголя, поданного бесплатно на входе в шикарный зал ожидания.

— Ты видела, какие тут сорта вин? А пиво? На любой вкус! А джин только наивысшей пробы! Невероятно!

— Может, все же немного притормозишь, а то не дойдешь до самолета.

Марыся поджимает губы: ей стыдно за поведение сестры, на которую иностранцы смотрят со снисходительностью и легкой иронией. У арабских же мужчин, которых здесь хватает, в глубине глаз светятся презрение и злость.

Девушка ни на что не обращает внимания.

— Ты смотри, какое совпадение! Я встретила моего бывшего шефа и по совместительству друга из Англии.

Она переходит на английский, показывая на красивого смуглого пакистанца.

— Он летит в Карачи, а его товарищ-англичанин — с нами в Эр-Рияд. Правда, забавно?

— Не знаю, что в этом забавного, но о'кей.

Марыся шепчет по-польски своей непослушной сестре, пронзая ее осуждающим взглядом.

— Прекращай и иди отдохнуть, — приказывает она сурово.

— Не будь монашкой, Марыся! Прежде всего познакомься с моими друзьями. Это Джон Смит.

Она показывает на типичного англичанина, подвижного мужчину лет тридцати. У него светлая кожа, рыжие волосы и голубые, как васильки, глаза.

— Очень приятно.

Марыся манерно протягивает руку, а невоспитанный мужчина, не сдвинувшись с места и по-прежнему сидя, забросив ногу на ногу, отвечает на ее рукопожатие.

— А это британский пакистанец Моэ.

Элегантный пакистанец встает и подобострастно протягивает две ладони в знак приветствия.

— Ваша сестра была у меня лучшей работницей, — хвалит он Дарью. — Не говоря уже о том, что она быстрая, добросовестная и всегда улыбается. Как вижу, чувства юмора она не утратила.

Он кланяется и складывает руки на груди.

«Типичный азиат, угодливый до боли. Но такие, с чертовой улыбочкой, приклеенной к лицу, тоже подкладывают бомбы. — Марыся после двухлетнего пребывания в Азии уже не обманывается. — А в Пакистане так это ужас, что вытворяют! Они еще более мусульмане, чем арабы. Такие религиозные, одни ортодоксы, а этот псевдо-англичанин пакистанского происхождения даже руки мне подал, что в соответствии с их убеждениями категорически запрещено. Это ложь и двуличие!»

— Дарья, идем, — уходит она, решительно таща сестру за собой.

— Джон, увидимся в самолете, — обращается девушка к мужчине, с которым только что познакомилась. Видно, что он ей понравился.

— Угу, — буркнул тот, сделав большой глоток виски и глубоко затягиваясь дымом сигареты.

В самолете Дарья устраивает суматоху. Столько шума и гама, что в конце концов Джон меняется местом с каким-то любезным саудовцем и

усаживается на сиденье рядом с молодой скандалисткой.

— Шампанское? — спрашивает улыбающаяся стюардесса, наклоняясь с подносом перед каждым пассажиром бизнес-класса.

Хамид отказывается жестом руки, так как старается успокоить отчаянно верещащего Адиля, который ни за что не дает себя привязать поясом к сиденью. Поведение ребенка ранит сердце Марыси, но она решает не мешать, потому что знает, как унижительно такое вмешательство. Кроме того, она отдает себе отчет, что тоже ничего не добьется. Мальчик измучен и издерган, и путешествие с ним наверняка не будет легким. Надя сидит между родителями и с удивлением приглядывается к невоспитанному малышу, раздумывая, не стоит ли ей самой начать плакать. В конце концов благодаря обслуге, которая жертвует девочке рюкзачок, набитый детскими сокровищами — раскрасками, мелками, пазлами и даже маленькой моделью самолета, — желание капризничать у нее пропадает.

Дарья, погруженная в разговор с Джоном, ежеминутно, зажимая рот, взрывается нескончаемым смехом.

— Я хочу шампанского! — машет она стюардессе, но та смотрит на нее с явным недоверием, поджав губы.

— Девушка совершеннолетняя? — спрашивает она вежливо: юное личико наводит ее на мысль, что девушке не более шестнадцати лет.

— Ха! Ну конечно!

Сказывается выпитый прежде Дарьей алкоголь, поэтому она ведет себя шумно, глаза ее блестят, а язык немного заплетается:

— Эй, мой махрам⁴, — обращается она к Кариму, — я уже взрослая или нет?

Она снова смеется, на что индонезиец только кивает, думая, не доконает ли его опека над этой девочкой-подростком. После взлета, который из-за визга Адиля длился бесконечность, Марыся все же решает вмешаться.

— Хочешь, я тебе помогу? — спрашивает она Хамида, видя его вспотевшее лицо и неловкие движения.

— Зайнаб никогда не подпускала к малышу няnek, — признается он, впервые со дня смерти жены произнося вслух ее имя. — Она считала, что все они плохие и не смогут заботиться так, как мать. В общем, она была права. По приезде я все же должен буду кого-нибудь нанять, потому что сам не справлюсь, — криво улыбается он.

⁴ Мужчина, опекун мусульманских женщин: отец, двоюродный брат, дедушка (араб.).

— Но сейчас, может, мне удастся его успокоить, хотя тоже не обещаю.

Биологическая мать, которой мальчик практически не знает, берет заплаканного, в соплях двухлетнего малыша на руки, и тот сразу же кладет маленькую вспотевшую головку на ее плечо, осторожно трогает ее за длинные, пахнущие хной и жасмином волосы и успокаивается. Все посвященные в шок и опускают глаза: до них вдруг доходит, как сильна природная связь между матерью и ребенком.

Марыся осторожно садится в большое удобное кресло, отделенное только узким проходом от бывшего мужа. Она дает мальчику бутылку с молоком — тот мгновенно опорожняет ее и впадает в беспокойный сон. Еще какое-то время он нервно вздыхает, но через пару минут затихает.

Марыся чувствует жар в груди, словно ее за горло душит невидимая рука. Они с Хамидом смотрят в глаза друг другу, будто погружаются в черный бездонный колодец. «Не отдам тебе ребенка», — говорит взгляд женщины. «Я никогда его у тебя не заберу, любимая», — отвечает беззвучно мужчина.

Хамид дрожит всем телом, а в голове у него пустота. Он не может думать ни о чем, кроме своей бывшей жены — женщины, которую полюбил с первого взгляда.

«Почему столь извилиста дорога судьбы? — спрашивает он себя. — Почему нам не был дан шанс на счастье и долгую совместную жизнь? Кто все это задумал? Мы марионетки в чьих-то руках, ведь не может быть Бог таким вероломным.» Верующий ваххабит усомнился в своей религии после стольких несчастий, которые его постигли. У него много времени, а все же сон к нему не приходит. Он размышляет над своей судьбой, решает, где и кто ошибся. А может, вся его семья осуждена на вечные муки и проклятье из поколения в поколение? Все началось с дедушки, Мохаммеда бен Авада бен Ладена, который приехал в Саудовскую Аравию из Южного Йемена как бедный строитель. Он был ловкий человек. Обосновался у Красного моря, в Джидде, недалеко от Мекки и Медины, основал строительное предприятие, которое со временем стало самой крупной фирмой такого рода в государстве.

Кроме всего прочего, фирма построила королевский дворец, а сам Мохаммед завязал близкие отношения с правящей семьей. У него был

предпринимательский талант, но в то же время это был страшно богобоязненный мусульманин. В семье он поддерживал строгую дисциплину, был религиозен до невозможности. В доме постоянно принимал паломников со всего мира, которые прибывали на хадж⁵ в Мекку. Его сын, Усама бен Ладен, с детства сталкивался с незаурядными, а подчас и сумасшедшими верующими и представителями самых разных ответвлений в мусульманстве. Еще в школе он примкнул к консервативной, ортодоксальной организации «Братья-мусульмане», основанной в Египте, которая борется со всей «гнилью» Запада, часто совершает теракты, хоть якобы и не признает насилия. Все в семье, как и каждый саудовец, исповедовали ваххабизм⁶, который является самым

⁵ Обязательное для каждого мусульманина паломничество в Мекку, один из столпов ислама (*араб.*).

⁶ Исламское религиозно-политическое учение, сформировавшееся в XVIII веке в Аравии. Опирается на фундаментализм — так называемое «возвращение к истокам»: первородной чистоте ислама, простоте и строгости обычаев. Основой веры ваххабиты признают Коран и хадисы, истолковываемые буквально. Название «ваххабизм» происходит от имени его основателя — мусульманского теолога Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба; течение оказало значительное влияние на формирование Саудовской Аравии

радикальным ответвлением ислама: опирается на фундаментализм и провозглашает возвращение к истокам — первозданной чистоте религии, простоте и суровости обычаев. Усама объединил различные ортодоксальные направления — и эффект был ошеломляющий. Некоторое время, однако, это никого не беспокоило.

Дедушка Мохаммед, несмотря на то что был очень религиозным, имел огромные сексуальные потребности. Он женился на двадцати двух женщинах, которые родили ему множество сыновей и дочерей, в том числе и отца Хамида, который был родным братом Усамы.

Бабушка Хамида была женщиной удивительной красоты, к тому же неплохо образованной для того времени. Умная, она ничем, кроме красоты, не заинтересовала старого богатого ловеласа. Они друг друга не любили, поэтому вскоре после женитьбы расстались без сожаления.

— самого консервативного среди мусульманских государств. Несмотря на то что ваххабиты обычно противились введению технологических инноваций и модернизации, на протяжении десятилетий в этом государстве идет спор между ортодоксальной и реформаторской фракциями саудовской элиты. Ваххабизм провозглашает превосходство ислама над всеми религиями и необходимость доминирования над ними (*араб .*).

Мохаммед был честолюбивым богатым сукиным сыном, поэтому алименты платил регулярно, давал на обучение отца Хамида в школе и институте столько, сколько было нужно.

После развода бабушка уехала из приморской Джидды в Эр-Рияд, где вышла замуж за мужчину, которого полюбила. Они были очень счастливы и воспитали своего сына совсем иначе, чем это было принято в Саудовской Аравии. Ему предоставили свободу выбора, показали мир, другие культуры и народы. Дома не царил сумасшедшая религиозность, бабушка даже носила современные платья или платья-костюмы, сшитые по европейской моде.

Дедушка Хамида, Мохаммед, пораскинул умом и оставил своему киндеру, Усаме, самую большую часть имущества — целых двести пятьдесят миллионов долларов. Таким образом он спонсировал фундаменталистов и всю «Аль-Каиду»⁷. И тут у Хамида бен Ладена зародилось сомнение: почему его современный

⁷ Суннитская организация, использующая партизанские и террористические методы; изначально должна была противостоять советскому вторжению в Афганистан, со временем преобразовалась в панисламистскую группировку, главной целью которой стало противостояние влиянию Израиля, США и Запада вообще на мусульманские страны.

отец, светский человек, отослал своего сына-подростка к дядюшке Усаме, воюющему в Афганистане? С какой целью? Он помнит, как ехал в горы на большом разбитом грузовике и как позже его переодели в народный костюм, не то йеменский, не то афганский, который он счел театральным. Он был так горд и счастлив, когда получил старенький, отслуживший свое автомат Калашникова! Он больше ничего не может вспомнить из того, что случилось потом, когда он как безумный звонил отцу со старой почты в небольшом городке: «Ты должен меня отсюда забрать! Сейчас же!» В первый и последний раз он таким образом обратился к отцу, которого уважал и любил больше жизни. Может, потому он там находился, что в восьмидесятые годы все любили Усаму, саудовского богача, и охотно с ним сотрудничали, ведь тот выступал против Советского Союза. ЦРУ само поставляло ему оружие и деньги в лагеря моджахедов ⁸, муштруемых бен Ладеном. Именно война в Афганистане сделала его таким, каким он предстал

⁸ Досл.: «святые воины», участники религиозного, общественного или освободительного движения в мусульманских или населенных мусульманами странах. Их называют боевиками.

перед миром 11 сентября 2001 года — беспощадным террористом, прекрасным организатором и настоящим партизаном. Без нее, быть может, он так и остался бы безвестным сыном миллионера, живущим в достатке в богатой Саудовской Аравии. Доставленное ЦРУ современное оружие боевики-афганцы уже не выпустили из рук, а в будущем смогли направить его против своих давнишних покровителей.

Хамид вспоминает, что из Афганистана сбежал в последнюю минуту. Он не мог простить отцу, что тот подверг его такому экстремальному приключению.

После возвращения в Эр-Рияд он сразу же, не прощаясь, уехал учиться в Америку. Редко звонил домой, так как чувствовал обиду. А когда произошла атака на ВТЦ в Нью-Йорке, почувствовал вину за трагедию. С этой минуты он решил бороться с исламским терроризмом и всевозможными фундаменталистами, которые становились у него на пути или выступали против мирового сообщества. В то же время произошла трагедия в его личной жизни. Началась она с несчастий, которые вдруг обрушились на молодого человека. Неожиданно от инфаркта умер его отец. Он был здоровым человеком в самом расцвете сил — и вдруг умер. Хуже всего для Хамида было то, что он не успел спросить у отца, с какой целью тот

отослал его на поле битвы на стороне зла, террора и уничтожения.

Вскоре после этого в автомобильной катастрофе погибла его любимая младшая сестра и сразу же за ней мать, которая совершила самоубийство: не вынесла потери дочери. В течение пары лет Хамид потерял всех, кого любил, и остался один. Пару сотен родственников он не мог назвать близкими его сердцу людьми.

Поэтому он уехал в Йемен, о котором слышал не только плохое, но и много хорошего. Все-таки оттуда происходила его семья. Там изменилась его жизнь, он снова почувствовал, что живет, когда встретил Марысю. Какая же она тогда была молодая, глупая и смешная! Маленькая скандалистка, но совершенно другого склада, чем европейка Дарья.

Ее отличие состояло в эмансипации, решительности, неуступчивости и отваге, которой не хватает арабским женщинам. Потому что его Мириам не наполовину арабка, наполовину полька. Это не смесь — она телом и душой чистокровная арабка.

Саудовский строительный конгломерат бен Ладенов Марыся нашла в Сане без проблем. В конце концов, это одна из самых больших фирм на Ближнем Востоке. Вместе с двоюродной сестрой Лейлой они хотели поставить их старый

дом-башню, находящийся на территории медины⁹, на консервацию и узнать, стоит ли он в плане. Шутили, что фирма принадлежит тому самому бен Ладену, который 11 сентября взорвал Всемирный торговый центр. Смеялись, что тот приехал из Саудовской Аравии в Йемен на общественные работы. Думали — может, это он так наказан? А может, он специализируется на быстром демонтаже с помощью взрывных устройств, так как первая работа в Нью-Йорке прошла с успехом? Обе помнили, что две башни осели, как если бы кто срезал их у фундамента, а не врезался в них самолетом. Спорили о том достаточно долго, как для их возраста, шутя и смеясь до упаду.

Марыся, которая пыталась добиться своего, сразу же начала пререкаться со служащим бюро.

— А что значат проекты? Какие письма? Что за заявления? У вас есть план сохранения зданий? — Марыся, несмотря на свой молодой возраст, была боевая, ее не переспоришь. — Разве существует постановление? Если же нет, то каждый хозяин приходит в частном порядке и приносит бумагу? Может, еще и сам должен платить за вашу работу? А что вы делаете с деньгами ЮНЕСКО? — повышала голос девушка.

⁹ Старый город (араб.).

— Ты тут, гражданка, не выступай!

Большой как шкаф молодой мужчина встал из-за бюро с намерением немедленно выставить девушку за дверь.

— Чего ты вообще ищешь, а? Это не может быть твоим домом, так как ты, я вижу, носишь юбку! Где потеряла махрама и чего ж ты такая говорливая?!

Он напирал брюхом, и девушки скукожились.

— Я хочу только узнать, кто утверждает план работ и оценивает дома, — не отступала Марыся. — Потом придет в ваше бюро хозяин дома. У него нет времени с вами препираться, а дом валится. Будете объясняться со спонсором, почему наш дом пропустили.

— Выметайтесь отсюда, засранки! А то вызову полицию! — громко орал мужчина, выталкивая девушек за дверь.

— Что за хам! — кричала Марыся, сбегая по ступенькам.

Нервничая, она ничего не замечала вокруг, поэтому наткнулась на молодого араба в элегантном костюме. Лейла же, поправляя никаб¹⁰,

¹⁰ Традиционная мусульманская накидка, закрывающая лицо женщины и оставляющая открытыми только глаза, иногда часть лба; используется главным образом в Саудовской Аравии и Йемене (араб.).

упала на них обоих. В эту минуту Марыся утратила равновесие, и плохо закрепленный платок упал с ее головы, открыв локоны длинных, до середины спины, вьющихся волос цвета баклажана с золотистым отливом. Хамид бен Ладен оцепенел и смотрел на нее с изумлением. Узнав, с чем они пришли, он долго извинялся за своего сотрудника, а потом пригласил девушек в бюро. Так все это и началось.

Мужчина с висками, припорошенными сединой, украдкой поглядывает из-под длинных черных ресниц на ту Мириам, которую много лет тому назад полюбил. Он видит ее красивые миндалевидные пылающие глаза цвета темного янтаря. Она также всматривается в него.

— Что-то хорошее тебе снилось? Ты улыбался, — шепчет женщина, чтобы не разбудить их сына, спящего на мамочкином животе.

— Да, мне снился Йемен... — понижает голос мужчина. — Наш Йемен прошлых лет.

— Наша Аравия Феликс¹¹, — вздыхает она, выразительно глядя на него.

¹¹ Благословенная Аравия, латинское название южной части Аравийского полуострова. (*Примеч. ред.*)

До того как встретила Хамида бен Ладена, Марыся не знала такого состояния души. Она не имела понятия, что такое любовь с большой буквы «Л» — настоящая, а не придуманная, из фильмов, книжек или не дай бог по расчету.

Теперь же она не знала, что с собой делать. Целыми днями она бродила как тень, не спала, не ела, не могла ни на чем сосредоточиться. Она думала только об одном: позвонит ли Хамид, приедет ли Хамид, любит ли ее Хамид хоть немного.

Они встречались тайно, без ведома и согласия кого бы то ни было из опекунов девушки. Во все тайны была посвящена только Лейла, которая им потакала. Такая ситуация в традиционалистской арабской стране немыслима. Сама Марыся чувствовала в этом что-то плохое: она совершает грех, общаясь с чужим мужчиной, пусть даже совсем невинно.

Когда она во всем призналась своей бабушке Наде, та одобрила связь с милым, хорошо воспитанным и красивым парнем. С тех пор они встречались у нее на глазах, проводя время в безопасном месте — на крыше дома-башни, откуда открывался ошеломительный вид на старую Сану.

Однажды Хамид вручил девушке саудовскую газету.

— Чтобы повеселиться, прочитай интересную статью в саудовской газете, которую я принес специально для тебя. — Он улыбнулся себе под нос. — Если ты так изучила ислам, как говоришь, то должна это все знать.

— «Пятьдесят семь способов завоевать любовь своего мужа», — прочитала Марыся вслух. — Что это? Какая-то шутка? Почему именно пятьдесят семь, а не семьдесят три?

— Все эти методы редактор собрала в блоге исламских женщин. Это опыт саудовских дамочек. Очень поучительно, — говоря это, Хамид состроил забавное таинственное выражение лица.

— Ничего подобного еще не видела! — заинтересовалась Марыся. — «Веди себя как девушка... одевайся притягательно и обольстительно, а если сидишь дома, то не ходи весь день в ночной рубашке»... Сейчас, сейчас, для чего им супермодные шмотки, если поверх них они надевают чадру или абаю¹²?

¹² Чадра (*перс.*) — одежда, которую носят мусульманские женщины (Иран, Пакистан) — легкое покрывало, закрывающее голову и лицо (кроме глаз) и спускающееся по плечам вниз; абая (*араб.*) — традиционная верхняя одежда в мусульманских странах — широкий, свободный плащ, который носят женщины и мужчины.

— Ну конечно. — Хамид складывает губы бантиком. — Наверное, речь идет о том, чтобы они дома для мужа так одевались. Это рассуждения шопоголиков из Саудовской Аравии.

— «Издавай хороший запах!» — Молодые вместе хохочут. — «Не пили мужа, не отчитывай его, не спрашивай, о чем он думает...» Да ни о чем! — смеется Марыся. — Упс! Извини, это не для тебя.

Она похлопывает любимого по колену, но тут же убирает руку.

— «Узнай все права и обязанности мусульманской жены. Ублажай мужа всегда, когда только он того пожелает...» Хо-хо-хо! Неплохо вам с этими женами, — она поворачивается лицом к Хамиду, краснея до ушей. — «Научись премудростям, чтобы удовлетворять своего мужа...» Хм-м... «Говори постоянно, что любишь его. Дари ему подарки...» Уф! Вот это жизнь! Зачем вам потом рай, господа саудовцы?! — Все больше конфузась, Марыся старалась перевести все в шутку.

Под конец она уже читала избирательно:

— «Расчесывай волосы. Не забывай о стирке». «Не выходи из дома без согласия мужа и без опекуна. Хорошо себя веди; не смейся, не говори и не ходи громко»... Вот это круто! — вырывается у девушки. — И такую чушь публикуют в газете?

— Должны же они подбросить какую-нибудь тему обывателям, чтобы те не начали интересоваться чем-нибудь поважнее, — говорил Хамид, желая оправдать подобную глупость. — В конце концов, это ведь бульварная газета.

Произнося это, Хамид хотел забрать газету, но Марыся не дала.

— Подожди, подожди! — закричала она, живо заинтересовавшись тематикой. — Самое интересное я оставила напоследок. «Будь в форме и заботься о своем здоровье, так как ты должна быть хорошей матерью, женой, кухаркой и хозяйшккой». Ха!

Девушка громко смеялась и стучала при этом сложенной газетой по голове, отказываясь принимать всерьез прочитанные глупости.

— Сейчас, когда ты уже ознакомилась со всеми принципами хорошей мусульманской, а значит, саудовской жены, не захочешь ли ты выйти за меня замуж? — вдруг спросил Хамид.

Марыся, шокированная, замолкла, уставившись на него широко открытыми глазами.

— Неу, you!¹³ Я тебе задал вопрос!

— Ты застал меня... Я только заканчиваю среднюю школу... Мы не знаем еще друг друга

¹³ Эй, ты! (англ .)

хорошо... Так вдруг... быстро... — совсем растерялась девушка.

— Ну, не завтра, не послезавтра, но в будущем. Я надеюсь, что все же в не очень далеком будущем. Потому что, знаешь, я уже жизни без тебя не представляю.

Хамид наклонился к девушке и впервые осторожно поцеловал ее в губы.

— Если не через минуту, а через какое-то время, то... — Марыся неосознанно забрасывает ему руки на шею. — Да, Хамид бен Ладен! Я выйду за тебя, стану твоей арабской женой с кучей верещащих ребятишек, вместе состаримся и будем поддерживать друг друга всегда и во всем!

Решение было принято, молодые обручены. Бабушка Надя, хоть и косилась на внучку, когда та сообщила, что сразу же после получения аттестата выходит замуж, не могла все же не согласиться, что кандидат — самый лучший под солнцем мужчина, умный, красивый, богатый и влюбленный по самые уши. Свадьба была похожа на сказку из «Тысячи и одной ночи», в соответствии с законом страны, религией и положением жениха. После подписания предварительного брачного контракта мужчины из обеих семей встретились в доме-башне в медине,

чтобы окончательно определить условия. Дядя Хамида и сам жених предложили огромный махр¹⁴.

— Я не хочу этих денег! — бунтовала невеста. — Никто не будет меня покупать, черт возьми!

Она разозлилась не на шутку.

— Это гарантия для тебя и твоей бабушки на случай, если что-нибудь со мной случится. Разводиться я не собираюсь, — решительным и вместе с тем веселым голосом объявил тогда Хамид. Так он успокоил девушку и принудил к тому, чтобы она взяла по крайней мере половину предложенного приданого.

— Разводиться не собираюсь... — шепчет себе под нос Хамид, вспоминая во время долгого полета далекие счастливые дни.

«Все же это я не смог преодолеть высокомерия и гордыни. Узнав, что Надя не моя биологическая дочь, я ушел, — размышляет он горько. — Это я был инициатором этого развода!

¹⁴ Приданое невесты, которое она получает от будущего мужа (*араб.*). Делится на две части: первая — мукаддима — выплачивается жене сразу же после подписания брачного контракта, перед первой супружеской ночью. Вторая часть называется муаххар, она является обеспечением женщины на случай, если ее бросит муж или если он умрет. Эта сумма значительно больше первой.

Не смог простить, потому что неисправимый негодяй! Вечно из каждой ситуации, касающейся лично меня, которая становилась сложной, тяжелой и неприятной, я выпутываюсь странным способом. Никогда искренне не поговорил с отцом, убитую горем мать оставил одну, не подумав о том, что она в отчаянии и депрессии. У меня нет ни одного близкого родственника среди более двухсот связанных со мной по крови людей. У меня нет среди них ни одного друга! Я эмоционально стерилен, живу в пустыне, которой сам себя окружил. Единственное, что у меня хорошо получается, так это моя работа разведчика. Там мое ледяное сердце и невозмутимый характер кстати. Теперь я могу плакать над пролитым молоком, но правда такова, что самые близкие моему сердцу женщины только на минуту подпускали меня к себе. Потом я снова скрывал свои чувства».

Его черные глаза застилают слезы, поэтому он закрывает их и погружается в объятия Морфея. Но сон не приносит ему отдыха, не восстанавливает сил. Хамид все время видит призрачные образы из прошлого, тех, что ушли, или погибли, или же по-прежнему около него, но их как бы и нет. А в каждом видении — лицо его любимой бывшей жены. Лицо Мириам.

Вечные вызовы

«Когда-то мы так сильно любили друг друга», — вспоминает Марыся. И это все испортила она. Она изменила! «Никогда себе этого не прощу! — говорит она себе мысленно, бросая взгляды на спящего Хамида. — Как же я могла так поступить? Ничто не может меня оправдать: ни молодость, ни экстремальные обстоятельства, ни одиночество и страх! Моя безответственность породила ситуацию, в которой я сейчас нахожусь».

Она тяжело вздыхает, ей хочется плакать.

«Это карма, — произносит она типично по-азиатски, в духе индуизма, как молитву. — Плохие поступки возвращаются к нам сторицей, и судьба платит нам той же монетой. Все из-за моей арабской, фатальной, спесивой, упрямой, злобной и злопамятной натуры!» Она злится, с бьющимся сердцем освежает в памяти образы прошлого, и ей кажется, словно все это случилось вчера.

«Если не хочешь сюда возвращаться, я тебя не заставляю. Ты свободна», — прочитала она письмо Хамида, написанное узким каллиграфическим почерком. Ничего больше не добавил он к этим холодным словам. Марыся так хотела получить свободу и возможность выбора, но позже ее это как-то не слишком радовало: кроме грусти и сожаления, она не чувствовала ничего. Ведь она

полюбила этого мужчину всем своим молодым сердцем, хотела с ним быть до конца жизни, иметь детей и счастье в доме. Она восхищалась его опасной работой, решительностью, современностью и толерантностью. Куда это все подевалось, куда исчезло? После переезда из Йемена в Эр-Рияд он стал вести себя как типичный арабский самец, который не разговаривает с женой, не обсуждает принятие решений, не ценит ее ум. «Он просто обычный мужчина-шовинист, и нечего сюда впутывать арабов. Во всем мире полно таких парней», — думала она, летя с матерью на отдых в Ливию в начале 2011 года.

— Может, нужно было отложить нашу поездку? — как всегда беспокоилась Дорота. — У вас с Хамидом небольшой супружеский кризис, в такой ситуации не лучшее дело бежать и ждать, что все как-то само утрясется.

— Мамочка! Ты снова что-то придумываешь?! Снова беспокоишься! — насупила брови Марыся и посмотрела на мать исподлобья.

— Кроме того, сейчас везде в арабских странах какие-то бесчинства, беспорядки, волнения... Безопаснее всего сейчас в ортодоксальной Саудовской Аравии, — сообщила та, которая каждый день критиковала страну, где жила много лет.

— Что же ты! — Дочь старалась развеять опасения матери и, конечно, оставалась при своем мнении. — Мы так долго планировали поездку и ждали этого момента. Посмотри сама. Жасминовая революция в Тунисе прошла вполне безболезненно, и даже в Египте было очень спокойно, хотя предполагали резню и убийства. Это социальные перемены, а не религиозные революции, как пугали некоторые. В конце концов, ты же знаешь, что в Ливии ничего не происходит: все любят Муаммара как отца, брата, любовника. И не только такие женщины, как тетка Малика, но каждый ливиец. Из молодых мало кто помнит давние времена, до революции 1969 года. Ливийцы воспитывались во времена этого режима, им это подходит.

Решение наконец было принято. Напор Марыси победил, и женщины улетели в страну, с которой были связаны их хорошие и плохие воспоминания. Марыся жаждала приключений и встречи с семьей и была счастлива, что вырвалась из своего супружества, которое ее душило. Дорота же хотела сделать все, чтобы угодить своей с трудом найденной дочери. Они встретились после стольких лет, и мать считала это чудом, но, чтобы ближе узнать друг друга и найти общий язык, требовалось время, и лучше всего проведенное вместе. Они решили отправиться в Ливию, потому

что именно там женщины некоторое время жили вместе.

Когда по прибытии туда в первую ночь Дорота поехала к своей подруге Баське в Айнзару, Марыся осталась одна в большом семейном доме Салими в центре Триполи. Дом принадлежит дяде Муаиду, у которого в клинике, к сожалению, были дела, не терпящие отлагательств. Еще немного она кружит по залу, вороша обломки прошлого, потом на минутку выходит в сад. Он как будто стал меньше, чем казался ей в детстве, и еще более зарос. Она находит в конце двора остатки песочницы, в которой когда-то играла с детьми тетки Мириам. Сердце сжимается от тоски при мысли о том, что так сложились судьбы некоторых членов их семьи, но остались и те, кто до сих пор живет счастливо.

Она входит в апартаменты на втором этаже, в которых когда-то жила с родителями. Из всей комнаты она помнит только большой шкаф с огромным зеркалом. Поздно ночью, уже измученная, она принимает душ, садится на кровать, и ее дрожь берет. «Мать была права, что не захотела здесь оставаться на ночь, — думает она. — Этот дом похож на склеп. Чувствуется присутствие тетки Мириам, которая погибла в автокатастрофе, слышится смех всегда веселой Самиры, уже столько лет лежащей в коме в клинике Муаида, и

властный голос любимой Малики, которая всем заправляла. Моя любимая бабушка Надя, погибшая в теракте в Йемене, наверняка посидела бы со мной и развлекла беседой. Она всегда допытывалась, что меня гнетет, давала хорошие советы и поднимала дух». Глаза Марыси наполнились слезами. Она так нуждалась сейчас в разговоре с кем-нибудь близким, чувствовала себя подавленной, но в ее жизни всегда случалось так, что со всеми мучениями и невысказанными вопросами она оставалась один на один.

Следующий день был уже лучше первого, потому что утром, как обычно в этой части мира, солнце залило весь Триполи и окрестности. Все благодаря этому проснулись в радостном настроении, с новыми надеждами на будущее. Мать и дочь решили посетить свои любимые в прошлом места, чтобы освежить воспоминания: Зеленую площадь, улицу Омар Мухтара, куда Дорота ходила на фитнес, под Розовой мечетью купить шаурму, к Джанзуру — на пиццу и, несомненно, на Регату — посмотреть на море!

На Зеленой площади всегда толкотня и шум. Проезжающие машины сигналили, чадя выхлопными газами, и, как всегда, поминутно перегораживали дорогу, мешая друг другу. Это вело к многочисленным столкновениям и пробкам. Марыся с интересом оглядывалась вокруг.

Солнышко припекало, воздух был наполнен ароматом земли, расцветающих растений, жасмина и теплой хобзы¹⁵. Мама пошла посплетничать к своей давней подруге, которая жила недалеко от центра, поэтому девушка некоторое время была предоставлена сама себе.

— Ахлян ва сахлян!¹⁶ — услышала она над ухом и вздрогнула от неожиданности.

— Валлахи!¹⁷ Не делай так больше! Хочешь довести меня до инфаркта?! Я знаю тебя... будто, но не уверена... — призналась она, глядя на стоящую против солнца фигуру перед ней.

— Я Рашид, сын твоей тетки, Хадиджи, — кавалер широко улыбнулся.

— Точно! Ахлян! — наконец ответила она на приветствие.

— Что ты тут делаешь? Осматриваешь достопримечательности? Одна? — забросал он ее вопросами. — Нужно было сказать, что тебе не с кем выйти, мы бы с тобой договорились.

¹⁵ Хлеб (*араб.*).

¹⁶ Здорово (*араб.*).

¹⁷ Ради Бога, ради Аллаха! (*араб.*)

— Жду маму и так, болтаюсь без цели. Кроме того, не хотела мешать.

Марыся удивляется такому смелому предложению мужчины, которого она вчера увидела впервые со времен своего детства.

— Каждый занят, у всех свои обязанности. Нельзя вот так приехать и перевернуть жизнь всех вверх ногами.

— Как же это, о вас нужно заботиться, мы же семья! — восклицает он и снова улыбается, показывая ряд ровных белых зубов.

У Марыси дрожь прошла по спине, и она с трудом перевела дыхание. «Какой же он красивый», — сказала она себе и покраснела по самые уши. Она опустила взгляд, желая справиться с мыслями.

Рашид схватил ее за руку.

— Пойдем со мной! Я покажу тебе чудесные переулки в старом городе. Ты наверняка никогда там не была. У тебя есть фотоаппарат? Сделаешь прекрасные снимки.

Марыся не хотела отказываться и разочаровывать парня, сказав, что знает это место как свои пять пальцев. Впрочем, девушка любила там бывать и, кроме того, ей очень понравился этот молодой горячий парень, поэтому она радовалась приятной минуте.

— Здесь прекрасно, правда?